

(Окончание. Начало
в номере за 25 апреля)

Андрей Белый

Особый интерес представляли встречи с Андреем Белым, человеком необычным и талантливым. Тут я была только зрителем и слушателем, во-первых, из-за своего юного возраста, во-вторых, из-за того, что писатель, занятый своими мыслями, просто никого не замечал вокруг.

Борис Николаевич Бугаев (литературный псевдоним — Андрей Белый) будоражил молодежь своими стихами в начале XX века. Он был связан нежной дружбой с Александром Блоком, которая затем перешла в сложные, часто мучительные для обоих отношения.

Маленький город в снегу. Редкие фонари освещают белые супроби на Октябрьском бульваре. Столетние дубы и липы неподвижными рядами чернеют на белом пушистом снегу. «Город муз», о котором так любовно писал искусствовед Эрик Федорович Голлербах, город Пушкина, в котором и после него продолжали жить и работать люди искусства, точно замер.

Редко гудят вечерние поезда и выпускают озабоченную толпу. Глохо черные муравьи быстро пробегут приездные под фонарями и расплзутся из освещенного центра по темным снежным улицам, и снова никого. Холодно, тихо. Фонари все реже по пути к Египетским воротам. Все яснее блестит за далеким полем цепочка огней железнодорожной линии на Ленинград. То вся заблестит, то замигает лишь один огонек, и прикроются остальные.

Особняк профессора В. В. Сиповского совсем спрятался среди заиндевших кустов. Лает собака, поскрипывают шаги, и приветливые хозяева открывают калитку — во флигеле дома Сиповского в 30-х годах живет литературный критик Иванов-Разумник. «На огонек» приходят к нему живущие в Детском Селе писатели, художники и местная интеллигенция.

В комнате тепло, светло. Топится затейливо расписанный камин. Все у самовара за более чем скромным ужином. К чаю выходят дорогие гости, только

что прибывшие из Москвы — гладко причесанная на прямой пробор, поблекшая, голубоглазая Клавдия Николаевна и Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый). С огромным интересом всматриваюсь в человека, о котором читала и слышала очень много. Мягкие, беззвучные шажки в домашних туфлях, на голове с остатками седых волос черная ермолка. Степенный, внимательный, вежливый со всеми и в то же время точно не присутствующий. Наше синий бант, под цвет глаз, кажущихся почти бесцветными на желтоватом блестящем ли-

дия Николаевича. Борис Николаевич точно нет. Он молча сидит возле хозяйки, изредка учтиво и торопливо отвечая на прямо к нему обращенный вопрос. С уходом старушек-писательниц (присутствует еще и племянница Бакунина) он оттаивает, понемногу оживает. Это объясняется тем, что Борис Николаевич очень боится поклонниц и «литературных дам» и при малейшем подозрении наглухо замыкается.

К тому времени, как я видела его, он окончательно отошел от теософии, видным апологетом которой был долгие годы.

Я никогда еще не слышала, чтобы так говорили: убежденно, явно выстраданно, но слишком сложно. Тут были и «космические сдвиги» и «эллипсойды», и «мировое пространство». И все же я была увлечена его умением говорить, заражена его взволнованностью.

Впоследствии я поняла, что такие вспышки выводившие Бориса Николаевича из молчания, для него характерны, так как вопросы литературы, искусства и философии были тем, что составляло его жизнь и в чем он всю жизнь старался разоб-

раз. Это был отрывок из «Воспоминаний», над которыми он тогда работал. Написано было в совершенно не свойственной ему реалистической манере. Очень жалею, что никогда не видела их изданными. Прерывая чтение, он делал юмористические замечания, добавления о тех людях, которые фигурировали в его «Воспоминаниях». Читал просто и с удовольствием. Все, о ком он говорил, были знакомы и Толстому, и Шишкову. Поэтому по окончании чтения они тоже стали делиться своими впечатлениями. Борис Николаевич чрезвычайно

вой лавры. Вещь, оригинальная, яркая, неожиданно грубоватая, слушалась с интересом.

В следующий свой приезд Михаил Михайлович, с присущим ему увлечением, серьезно уверял всех, что бросил писать и всецело занялся фотографией. Действительно, фотографировал он мастерски, так как ни в каком деле не терпел дилетантства. И в доказательство вынул целую пачку фотографий. На них были сняты приключения плюшевого мишки. Глаза у него были бусинки, которые задорно поблескивали с фотографий. Суть была в том, что этот мишка убежал в лес и встретился там с настоящими зверями. Часами писатель лежал, затанцовывая в заснеженных кустах с аппаратом в руках, и поджидал появления зайца, куропатки, лисы. Снимки были великолепны: в снегу сидел плюшевый мишка и удивленно смотрел на находившихся около него зверей. В создании этого фоторассказа были использованы опыт страстного охотника и великолепное знание повадок животных.

В один из своих приездов Михаил Михайлович был очень оживлен. Это было в то время, когда в Детском Селе жил Андрей Белый. Снова он ничего не читал, но подробнейшим образом рассказывал о глубоко поразившем его онятии знаменитых колоколов Троице-Сергиевой лавры. Михаил Михайлович как-то по-детски был далек от окружающей его повседневности. То, что все давно уже знали о снятии колоколов с закрытых церквей, он воспринял, как первооткрыватель. Пришвин показал снимки, сделанные им и его сыном-журналистом во время этого события: отъезжают колокол, наклоняют его, колокол в полете, напярженная толпа, запрокинутые лица людей. Свой показ он сопровождал подробными объяснениями. Михаил Михайлович глубоко любил и ценил русскую старину и поэтому сильно волновался во время своего рассказа — он понимал, что музыкальный подбор колоколов этой звонницы трудно воссоздать вновь. Поэтому, говоря о стонах падающих колоколов, он передавал это, точно несчастье, случившееся с человеком...

Н. Завалишина

ВСТРЕЧИ В ДЕТСКОМ СЕЛЕ

не. Липо странное — может быть, монгольское? Эту странность чуть юродивого выражения замечательно показала в своем портрете А. Белого Остроумова-Лебедева. У нее он в ярко-красной рубашке на ярко-голубом фоне. К поразившему меня сочетанию бледных глаз и желтоватой кожи лица добавлена подробность, также сразу бросающаяся в глаза; подвижный, с извилистой линией нервного рта, какой-то голый из-за отсутствия усов и бороды. Но главное в этом лице — глаза. Глаза цвета его стихов — стихи голубые, т. е. все прекрасное для А. Белого олицетворяется в часто повторяющемся голубом.

Когда хозяйка знакомит писателя со столетней писательницей Зориной, старушка, задержав руку Клавдии Николаевны в своей, приветливо говорит: «А вот и жена!» «Нет» — неовоейственно резко и отчетливо говорит обернувшись Борис Николаевич и добавляет тепло: «Большой друг». Это настораживает какой-то манерностью. Клавдия Николаевна — верный друг, жена, няня, секретарь — всегда с ним, до последнего его дыхания, и даже после смерти неразрывно связанная с его наследием.

Во время чая — разговор домашний, в котором мягко и умно принимает участие Клав-

И больше всего боялся встретить скучающих психопатов дореволюционного времени, от нечего делать занимающихся теософией и по старой памяти искавших с ним знакомства.

После этой первой встречи я много раз видела Бориса Николаевича и у Ивановых, и у нас дома, когда вся компания заходила к нам. Перестала его стесняться, но все же всегда было подсознательное ощущение, что он меня не замечает. Непосредственно с молодежью он никогда не разговаривал.

Однажды, вскоре после его приезда в Детское Село, где он неожиданно прожил год, он, как всегда, молчал целый вечер. Но вот был затронут вопрос: «Что такое искусство?» Иванов, как обычно, своего мнения не высказывал, подыскивая трубочку и подбрасывая реплики. Выслушав мнение В. Я. Шишкова, Алексей Николаевич Толстой, похаживая по комнате; говорил, что искусство — это умение заразить читателя или зрителя теми мыслями и переживаниями, которые были у автора, создавшего произведение искусства.

Андрей Белый заметен волновался, когда вступил в разговор. Говорил долго, может, час, а может, полтора. Толстой слушал стоя, все остальные замерли на своих местах. Речь его была образная, страстная,

ска. Начав точно смущенно, он постепенно воспламенялся и переставал думать о собеседнике. В его речи чувствовалась и творческая мысль, и большая искренность.

С той же увлеченностью, вернувшись из Детского Села в Москву, он совершенно для себя неожиданно «открыл» Ленина и так же искренне стал восторженным, взволнованным толкователем его произведений, захваченный литературным блеском, а главное, мощью логического мышления Владимира Ильича.

Интересным было участие в разговоре Клавдии Николаевны. Одним-двумя словами она как бы подавала ему в нужный момент реплику. Часто он обращался к ней, и она спокойно, точно подсказывала фамилию автора, страницу в книге, о которой Андрей Белый только что говорил. Иногда неторопливо Клавдия Николаевна сама вступала в разговор, и тогда всем становилось ясно, какое у нее совершенное знание истории и литературы.

Днем Борис Николаевич никогда не выходил из своей комнаты. Диктовал Клавдии Николаевне и читал. Им обоим очень нравилось Детское Село, и они много бродили по заснеженным аллеям парков.

Как он читал свои произведения, я слышала только один

оживался и с большим интересом, совсем иначе, чем всегда, просто и молодо перебивал их.

Через несколько лет он умер в Москве. Состарившаяся Клавдия Николаевна еще долго работала над оставшимися рукописями дорогого ей человека.

Михаил Михайлович
Пришвин

Лично знакомой с Михаилом Михайловичем Пришвиным я не была, но встречала и слушала его. В 1929 году наша семья была приглашена к Ивановым на литературное чтение. Из Троице-Сергиевой лавры, что под Москвой, где он постоянно жил, приехал Пришвин. В столовой было довольно много молодежи, не знакомой ему, поэтому он адресовался к хозяевам и знакомым писателям. Тем удобнее было наблюдать за Михаилом Михайловичем. Борода и пушистые волосы вокруг лысеющего лба придавали его внешности какой-то библейский облик. Держался он просто и непринужденно.

Во время чаепития начал читать. Среди рассказов, услышанных мною тогда, незабываемый «Говорящий грач». Закончил Пришвин этот вечер чтением большого очерка о населении Троице-Сергие-